

ДНЕВНИК М. Н. ВОСКРЕСЕНСКОЙ
(25 июня 1941 — 1 января 1943)

25/VI-41

Это четвертый день войны. А кажется, что она началась уже так давно.

Невероятно, что в кувшине еще стоит пышная, с красными шишками свежая еловая ветка из Куоккала¹, которую Колюшка² так заботливо вез. Она совсем зеленая. Но ведь это было так давно. 21/VI — мы совершили все вместе поездку в Куоккала к морю. Все улыбалось. И солнце и яркая зелень и море нашей затее провести день на новой невиданной территории.

И вот на желтом песке пляжа, где к берегу подбегают пенистые холодные волны свинцово серого северного моря отпечатывают наши босые ноги беспорядочные следы.

«Обезумевшие горожане» — вырвались на волю. Засучив штаны, скинув рубашки, чулки, в импровизированных «купальных» костюмах, мы носились вчетвером, впятером по пляжу наслаждаясь солнцем, ветром, теплотой редкой в эту холодную весну.

Мама и Ксения отдыхали на песке в затишье от ветра. Ленка рылась в песке. А мы пошли вчетвером осматривать берег, немало трофеев прошлой войны находили наши любопытные взгляды — понтоны, ржавые скрепы свай, бидон обращенный в печку, обрывки сетей, любая мелочь могла быть причастна к событиям.

Вдали, чуть отделяясь от горизонта виднелись форты, собор Кронштадта. [Нрзб] земля лежала вокруг. Никто бы не подумал, что здесь гремели выстрелы и этот желтый песок видел иные следы.

Но это не мешало нам дурачиться, шутить бросаясь «шишками Маннергейма», болтать вздор и скакать косулями по песку. словно инстинктивно мы стремились в этот день насытиться весельем и беззаботностью. Из Кронштадта или еще откуда то доносилась временами

¹ Сейчас — п. Репино в Курортном р-не Санкт-Петербурга.

² Брат автора дневника — Н. Н. Воскресенский, далее в дневнике называется также Кокой.

глухая пальба. Но и она только служила для лишних шуток, из которых тень серьезности, тень тревоги мы изгоняли с какой-то особенной поспешностью.

Как весело взлетал мяч под ударами рук и ног мальчиков обгоревших, растрепанных и жизнерадостных. Как все было вкусно и приятно есть, несмотря на песок.

Пол дня прошло великолепно. Но вот набежали с далекой враждебной стороны тучи, пронзительный ветер. Море вспенилось, потемнело еще больше, лес шумел, но под деревьями было тихо и еще тепло.

{11-й день войны 3/VII-41}³

Мы решили нанести визит «Пенатам»⁴. Это оригинальная дача, которую Репин много раз достраивал и перестраивал сообразно своим потребностям. Понравились мне книжные полки в кабинете Репина вдоль стен под окнами круглый стол и огромная мастерская с верхним светом, с огромным диваном и неоконченными работами. На одной из них портрет Пушкина на фоне белой ночи и Петропавловской крепости. Фон сделан изумительно с той прозрачной бледностью неба и горизонта, которая так характерна для белых ночей Ленинграда. Но лицо почему-то не удавалось Репину. Мертвые черты гипсовой маски проступали на полотне и видимо не раз художник пытался вдохнуть в них жизненное человеческое выражение, но не закончив этого, сам успокоился на высоком холме в саду своей пестрой красно-желто-черной дачи.

Его жена писательница Нордманн-Северова гордая и представительная дама, какой ее изображает бронзовый бюст. Это она славилась вегетарианскими обедами, столом и прихожей без слуг.

Я с тайной завистью осматривала дачу. Сколько в ней места для жилья. Пусть даже не везде и не все комнаты уютны, в целом все таки замечательно — иметь многокомнатную дачу.

Главное — море вблизи и такая зелень, что невольно жаль уезжать.

Хороши низенькие кафельные печи с превосходными изразцами. Много хороших вещей, но дети Репина похозяйничали не мало с тех пор, как унаследовали это гнездо.

³ Здесь и далее в томе внутри фигурных скобок находятся авторские вставки между строк. — *Примеч. ред.*

⁴ «Пенаты» — усадьба художника И. Е. Репина в п. Репино, в 1940 г. в ней был открыт мемориальный музей.

После дачи мы еще раз закусили на берегу моря. Стало прохладно. Пора было отправляться в путь домой.

Доехали хорошо. На утро первая страшная весть о войне застала нас всех вместе и вот теперь страшные дни надвинулись и идут, как облака.

Уже идут с 22-го непрерывные бои, уже мы знаем что такое тревоги, уже дети уезжают из Л-да. Жизнь пошла другими темпами. Но несмотря на это личная жизнь каждого продолжается. Так и я сейчас вместо торжественного момента и чувства удовлетворения чувствую себя, как... Подколесин в последнем действии⁵. Ну не смешно ли. А между тем мне так одиноко и тяжело. Не будь войны все бы пошло иначе и в конце концов по другим путям.

Засушенный левкой это одна из двух веточек. Одна была отдана Леше в день, когда им выдали форму. Может быть и он хранит ее⁶.

06/VII-41

Сегодня Алексею выдали форму, винтовку. Добровольцы начинают превращаться в одну слитную массу.

Многие еще не обучены. Вероятно они теперь пойдут в лагеря.

Как все изменила и нарушила война. А это только начало. Вот теперь начинаешь понимать, что такое жизнь. Канал Грибоедова 2. Чугунная кованная решетка церкви «Воскресения на крови». Вокруг церкви мне приходилось не раз обходить, но никто не знал что именно мне здесь придется увидеть Алексея в военной форме. А увижу ли я его завтра. И что будет завтра, что будет вообще. Иногда кажется, что это все только один дурной сон. Но он уже длится две недели и отмечен не только тревогами, не только сводками, но и многими тысячами жертв. Для кого то уже все пошло к черту.

А мне только ждать своего часа. Что за кошмарная жизнь. Карабкаешься куда-то кверху, с судорожными усилиями, надрываясь, взбираешься, лезешь-лезешь и вот результат.

9/VII. — 17 дней войны.

Сводки за последние два дня особенно радуют. Чувствуется, что наши соколы на земле, на море, в небе, вкладывают фашистской сволочи.

⁵ Один из главных героев комедии Н. В. Гоголя «Женитьба». В последнем акте Подколесин во время своей свадьбы убегает через окно.

⁶ В тетрадь вложены засушенные цветы.

Сейчас я только от Алексея. Как теперь все отчужденно в нем и обритая голова и выправка и особое выражение на лице. Подтянут, погрубел, озабочен. Иногда мне кажется, что присутствие мое ему мешает. Вчера чуть не через весь город я промаршировала вдоль колонны с тем, чтобы в конце пути напоить его водой из поданной сердобольными хозяевами, кастрюли с водой. Свидания у решетки ничего не приносят кроме этих мелких наблюдений и усталости, которая подчас граничит с отвращением к жизни, которая там внезапно вся сломалась и готова рухнуть в раскрывающуюся пропасть предстоящих боев.

Мне не страшно за себя. Я бы охотно пошла за фронт, но пока я «обеспечиваю тыл». И от вынужденного бездействия начинается хандра. Ее не будет, не должно быть. Только бы скорее за работу, за дело, которое даст какие то результаты.

10/VII.

Сегодня с утра доносятся выстрелы с моря.

Я уже видела несколько раз на днях, как рвутся в воздухе снаряды при обстреле вражеских самолетов, которые осмеливаются подниматься в воздух, угрожая нашим гражданам. Дни стоят жаркие — лето хоть и запоздало, но сейчас выравнивается. Липы возле Инженерного замка скоро зацветут. Под ними прохладная душистая свежесть и вырытые траншеи. Среди подстриженных кустов ползают обучаясь вчерашние служащие, студенты, научные работники.

Я сижу вероятно в бывшей гостиной дворца. Из нее великолепный вид на Неву, Петропавловскую крепость. Все освещено солнцем и красиво. Давно я не видела такой красоты в Л-де.

Сейчас сижу уже в вестибюле на улице тревога. Это вполне соответствует моему состоянию ибо Лентрест начал сокращение сотрудников. Что делать дальше, просто не представляю себе.

Отбой — можно идти дальше. Вторая тревога застала меня в поисках уже нового места.

Сейчас, не успела купить подтяжки, как началась третья. Сижу в подвале магазина на Невском. И что это повадились сегодня сволочи налетать. Наверное опоздаю к Алексею.

Лешка, мой Лешка! Увидимся ли мы.

Будет приходить письма, потянутся унылые дни. Что будет дальше? Это только начинается.

Пустой двор, у решетки никого нет. Ушли, неизвестно как и куда, когда же вернуться? Все пошло прахом. Остается «поэзия сожалений». Даже и писать нечего.

11/VII

Сейчас половина первого, а еще без света можно

На улице прохладно после жаркого дня. В прозрачном небе уже висят аэростаты, похожие на черненьких паучков издали и на серебряных рыбок вблизи.

А звезд не видно.

Где то Алексей? Теперь ясно только одно — все пошло прахом. И я не смею даже ему признаться в той тяжести, которая лежит на сердце у меня — я должна быть бодрой и спокойной и даже радоваться тому, что все наше личное и близкое отложено, вернее повисло на волоске.

Забавно... Если оторваться на миг, то уже не прочесть написанного. Писать еще можно, читать уже темно. А хочется дела или своего излюбленного настоящего живого дела, полевых работ, экспедиций, мирных кочевых будней или же — на фронт в те же ряды, что и Алексей.

О судьба народов — твой бич — это войны. Без них не было бы горя. А сейчас вот сколько миллионов сердец уже не бьется а сколько миллионов сердец растерзанные тревогой и ожиданием или безнадежностью, обливаются кровью. Есть известия которые разрушают и контузят душу, как воздушная волна тело. Жертвы войны не только на поле битвы. Нет, будь она проклята эта война и ее начинатели. Надо биться, драться с ними чем угодно вплоть до зубов, до ногтей...

Что делать, Мушка, возьми себя в руки и пока ложись спать. Введи зарядку, занятия языком, читай, бегай по городу в поисках работы. Вот программа на завтра, а сейчас спать, спать, спать.

12/VII.

Вот сегодня опять сначала — Лентрест. Опять ждать безрезультатно.

Иногда мне кажется, что война будет бесконечна, а иногда особенно после сводки настроение поднимается.

Я хочу начать сохранение газет с боевыми эпизодами

Скучная история, находиться между небом и землей. Я завидую Алексею.

Писать стихи — их надо писать так, чтобы в первую очередь они нравились мне — а мои собственные стихи почти никогда мне не нравятся.

14/VII Сегодня три недели войны. Утренняя сводка подводит итоги

жутким потерям наглых противников. Второй раз наши занимают Жлобин. Мне живо вспомнились чудесные гнущиеся под тяжестью плодов яблони в сонных утренних садах вдоль от вокзала, спокойный могучий Днепр, мелкие домишки все в зелени. Что то от них теперь осталось?

Вчера был заключен договор с Англией о взаимной борьбе против Германии. Гитлер все равно погибнет но в жертву ему уже принесено столько миллионов немцев и всех других народов, мощные великолепные машины превращены в груды обломков, цветущие области — в пустыни. Война унесет все счастье, которое можно иметь в жизни. И вот ради этого то необходимо нужно воевать воевать до конца.

Вчера была 18-я тревога в Л-де. Приехал на день Кока. Сильно загорел, оброс рыжей бородой.

19/VII. Несмотря на то, что я живу в городе и радио непрерывно оповещает меня о часах, [запись не окончена]

22/VII

Месяц войны. Боже мой, будет ли конец этому бичу человечества. Как будто у женщин всех времен и народов только и жизни, что народить детей и безмолвно, лучших, любимейших посылать в жертву чудовищу войны.

Сегодня я совсем одна, на фоне 30-ти тревог, уже по серьезному начинающих нависать над Л-дом. Но это долгожданное когда то одиночество сейчас ненужным бременем лежит на мне. Перебрала Лешкины «мемуары». Но в них нет ничего. Прошлого нет. Есть только тягостное сегодня и грозное завтра.

Уже кое где немцы начинают откатываться назад, но главный их удар вчера достиг Москвы с налетом на нее. Наши соколы не подкачали и пока даже мы хорошо охраняемы. Не знаю, что будет дальше. А в Новой деревне тишина и покой прохладного летнего вечера и того особого мира, который всегда окружает медленно текущую воду, окрашенную закатом. Где то бойцы лежат в кустах, маскируясь и прислушиваясь. И чем более мирная обстановка бросается в глаза, тем резче вспоминаешь тех, кто ушел из нее в бой навстречу смерти и победе.

Метроном часто прерывается. Так и ждешь, что вот вот выползет низкий зловещий вой тревоги. Нет, опять затикал. Надо спать.

Изумительный пейзаж из сказки все еще перед моими глазами — Нева, кудрявые деревья и на фоне прозрачного вечернего неба, в покое и безмолвии всплывают серебряные рыбы аэростатов. Пейзаж теперь без них — немыслим.

30/VII. Сегодня 42 тревоги

Почти все три сегодняшних с отдаленной стрельбой.

Мы организуем оборону на своем чердаке, носим песок конвейером, в расчете на то, что бомбы будут легкие. Жара стоит большая — настоящее